

“МЫ СТОИМ ЗА РОССИЮ, И ЗНАЧИТ, СТОИМ НА КРАЮ...”

Еще 20 лет назад всем более или менее думающим людям было очевидно, что бесчеловечное отношение новой власти к своему народу есть воплощение социального расизма.

Экономический террор против населения России сопровождался террором физическим и психологическим. Власть ясно дала понять, что относится к рядовым гражданам России, словно к скоту.

Это было впрямую продемонстрировано 23 февраля 1992 года, когда по указанию тогдашнего мэра Москвы Гавриила Попова и его заместителя Юрия Лужкова было устроено массовое, показательное, демонстративное избивание демонстрантов (среди которых было много ветеранов Великой Отечественной войны), шедших поклониться могиле Неизвестного солдата на Красной площади. Тогда впервые были применены резиновые дубинки (так называемые “демократизаторы”) под истерические крики московских начальников – “Бить!”. Московский ОМОН, впервые почуявший кровь, опьянел от ее запаха больше, чем от предварительно розданного алкоголя. И далее каждое шествие протестующего народа сопровождалось массовыми избиваниями под аккомпанемент торжествующих истерик теле- и радиоведущих, именовавших доведенных до отчаяния людей “совками”, “красно-коричневыми” и “фашистами” (одно из таких массовых избиваний символично было устроено 22 июня). А тогдашний госсекретарь Генналий Бурбулис, издеваясь над обездоленными людьми, заявил, что прочтет голодным лекцию о необходимости комплексного взгляда “на историю тоталитарного государства”, которая, дескать, заменит им хлеб.

Действие всегда рождает противодействие. Чем больше зверства демонстрировал ельцинский режим, тем больше народа собиралось на последующие демонстрации.

К апрелю 1992 года Ельцин окончательно принял решение разогнать вышедший из-под его повиновения Верховный Совет и Съезд народных депутатов, обладавший достаточно широкими полномочиями. Уже 20 марта был подготовлен протокол совещания президиума столичной коллегии, одним из пунктов которого был пункт “О политической стратегии и тактике на данном этапе”, содержанием которого была так называемая “Общая линия”: “устранение нынешнего Съезда народных депутатов РФ и его ВС. Предлагаемая альтернатива – президентская власть плюс конституционный процесс: созыв Учредительного собрания, разработка новой конституции на нем и т. д.”. Гайдар в превращении дальнейшего экономического давления на народ одновременно с лишением его прав на самозащиту провокационно заявил: “Я не гарантирую, что социального взрыва не будет”. Этот взрыв спровоцировала сама власть, чтобы развязать себе руки для показательной расправы.

Вот что предшествовало указу Ельцина № 1400 о роспуске съезда народных депутатов и Верховного Совета, блокаде “Белого Дома”. Вот что предшествовало – расстрелу. Вот что предшествовало пыткам и убийствам на стадионе “Красная Пресня” и в близлежащих отделениях милиции.

И еще одно предшествовало – истерические призывы либеральной интеллигенции – иных писателей, актеров, ученых – к кровавой расправе. У них требования к Ельцину “действовать”, “не рядиться в лавры миротворца”, не идти ни на какие переговоры – звучали особенно сладострастно.

Ибо для них люди, собравшиеся тогда возле Дома Советов – не были людьми.

* * *

По горячим следам расстрела много что писалось и говорилось открытым текстом и о людях, погибших в те трагические дни 3-4 октября 1993 года, и о своих “заслугах” в “борьбе” с ними.

“Я по своей инициативе послал в Москву два полка ОМОНа, оголив практически свой город” (А. Собчак. ЛГ, 2.3.1994). Там же опубликовано еще одно его замечательное откровение: “О коррупции все время говорят как раз контрреформисты, те, кто борется против демократии в России. Их цель – разрушить доверие к новой власти”.

“Я был абсолютно убежден в том, что в крайнем случае нам придется раздать людям – в первую очередь, конечно, демократическим дружинникам, тем, кто в свое время защищал Белый дом – оружие... И поэтому дал соответствующее распоряжение – приготовиться к раздаче оружия... Во мне бы ничто не дрогнуло... И позвонил Шойгу Сергею Кожугетовичу, председателю ГКЧС, выяснил ситуацию с оружием, – оно в его ведении находится – и приказал быть готовым выполнить поручение правительства раздать тысячам автоматов с боезапасом... Это, конечно, будет стоить огромной крови, но это всё-таки лучше, чем отдать им власть” (Е. Гайдар. ЛГ, 29.9.1994).

Это говорили люди, облеченные властью. А у либеральных подпевал была своя “партия”.

“Танковые залпы загнали гадину в подполье, потому что эту нечисть танковыми гусеницами не давят... Другого выхода после 3 октября уже не было...” (ЛГ, 16.3.1994). Так вещал один из “подписантов” черного письма 42-х писателей (“Известия”, 5.10.1993) Андрей Чернов, по собственной характеристике – “член **тайной** (выделено мной. – С. К.) организации по борьбе с русским фашизмом”.

А многие подписанты через 3 года в “Независимой газете” (Г. Бакланов, Б. Васильев, Я. Костюковский, Т. Кузовлева, А. Кушнер, А. Приставкин, М. Чудакова и др.) настаивали на том, что сегодня поступили бы точно так же. И лишь один – Юрий Давыдов – видимо, с тяжелым чувством произнес: “Каждый имеет право на глупость. Однако в данном случае мне не следовало пользоваться этим правом”. Да еще С. Каледин при том, что “сожаления по поводу поставленной подписи” у него не было, словно через силу выдавил из себя: “как будто вяпались во что-то”.

“Не вяпался” в это вездесущий Евгений Евтушенко, – он вяпался иначе. По горячим же следам в “Литературной газете” он напечатал совершенно бездарную поэму “Тринадцать” (этакое подражание Блоку) с рефреном: “Марш, марш назад, наш русский зоосад!” Это о погибших и чудом выживших неделями ранее.

Мы и сейчас фиксируем это отношение с согражданам, не разделяющим взгляды наших либералов, как к “зоосаду” или чему-то близкому. Когда профессор Пивоваров на многомиллионную телевизионную аудиторию заявляет, что “советский человек – это антропологическая катастрофа”, – мы наблюдаем то же самое проявление социального расизма. Когда адвокат Барщевский на ту же многомиллионную телевизионную аудиторию заявляет, что нельзя ругать Государственную думу, ибо если там не будет интеллигенции, то придут туда одни “кухаркины дети” (с начала XX века не доводилось в публичной речи слышать ничего подобного!) – это тот же социальный расизм.

* * *

Памятник народному восстанию, памятник павшим поставила русская поэзия. Уже в первые дни после расстрела на стене стадиона “Красная Пресня” колыхались прикрепленные листочки со стихами – рядом со словами гнева и проклятий. Стихи многих известных поэтов, как безымянные, как плоды народного творчества, переписывались там, запоминались, переходили из рук в руки. Продолжалось это сравнительно недолго. Опять же представители на-

шей либеральной интеллигенции возопили, вздымая очи горе: “Что же это творится! Пишут “Ельцин – убийца”, “Паша Грачев, куда дел трупы?” Снести! Уничтожить!” И забор был снесен, а вместо него воздвигнута железная решетка.

...В представленной подборке представлены и гимн, и плач, и лирика, исполненная гнева и печали, и поминальное слово, и слово проклятия палачам, и жесткое слово о проклятом времени в целом.

Не все авторы дожили до наших дней. Преждевременно ушли в мир иной Евгений Курдаков и Юрий Кузнецов, Татьяна Глушкова и Николай Шипилов, Виктор Лапшин и Юрий Паркаев... И нельзя отделаться от мысли, что во многом их век был сокращен проклятой эпохой в целом и расстрелом Дома Советов в отдельности. С этой раной многие и многие ходят по сей день. А недолевшие тогда пули настигают через года, а то и десятилетия.

И все же... “Мы живы! Мы – здесь! Мы по-прежнему здесь!”

Сергей Куняев

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

* * *

Еще встает за окнами рассвет,
еще струится осень золотая.
Но нет Москвы. А есть — воронья стая
над стогнами страны, которой нет.

Над выщербленным Зданием Беды,
какое быть желало Белым Домом,
лакейским флигельком под Вашингтоном —
куда ведут кровавые следы.

И над моей оглохшей головой,
когда дремлю, когда встаю до света
и вижу: труп плывет у парапета,
отторгнутый речною глубиной.

Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредет в острожном рубище свобода,
ведет коня слепого под уздцы.

Тоща, как Смерть, как черная вдова.
А следом — гулко катится телега...
Не убраны в полях разливы хлеба.
Не убраны тела до Покрова.

И слышу: танки валкие гремят
по старой Пресне — точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.

Навеки Пресня Красная красна.
Навеки черен этот ворон черный,
что кружится над Родиной просторной
и над душой — как Спас, нерукотворной,
что плачет, страждет, мечется без сна.

14 октября 1993 г.

* * *

В тот час, как танки въехали в Москву,
хлеб зачерствел, и горькою водица
вдруг сделалась. А скорбная столица
твердила: чур меня!.. Переживу...

Но пращур спал. Тот непробудный сон
его свалил под Истрой, под Можайском...
Но кто-то рядом выдохнул: “Мужайся!..”
И тотчас — женский крик и детский стон.

Как бьют орудья по родной Москве!
По златоглавой, по первопрестольной!
Тому, кто пал, теперь уже не больно.
А ей-то — грешной матери? Вдове?..

А нам-то — присмирившим, пристяжным
невольным в той кровавой колеснице,
что в пропасть мчит, что по костям катится,
а кучер хлещет, свищет, пьяный в дым?!

Зачем молчали вы, колокола?
Зачем весь причт не вышел крестным ходом:
побрезговал ли ропщущим народом,
детьми?.. А те-то меньше мал мала...

Как перемочь? Когда и сам Покров,
над мертвыми простертый головами,
белейший плат, просоленный слезами,
так влажно ал, так сумрачно багров?

Как пережить мне, что и я — жива,
когда баржой, телами нагруженной,
с душой как будто заживо сожженной,
вся — от Кремля и до горы Поклонной
плывет вдоль окон пленная Москва?

29 октября 1993 г.

* * *

И Все Святые, что в родной земле
за все тысячелетье просияли,
у наших павших в головах стояли,
и луч желтел в необоримой мгле...

Оборете! — сулили голоса
с высот заупокойного молебна, —
и будет Русь опять жива и хлебна:
о том тоскуют сами небеса!

И я хранила на виду у всех
такое молодое выраженье,
как будто мне поручено внушенье
вам передать: уныние есть грех.

И я просила у сырой земли,
у зимних птиц, у тополя — подмоги,

вбирая в золотую мысль о Боге
всё, что вблизи и в облачной дали...

Катились слезы по щекам моим,
темнило горе лик моих сограждан.
Но с каждым, павшим в листопаде страшном,
был наш союз отныне нерушим.

И нету мощи, чтобы одолеть
ту крепь — коль встанут мертвые с живыми,
единого Отечества во имя
готовые вторично умереть.

17 декабря 1993 г.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

Что мы делаем, добрые люди?
Неужели во имя любви
По своим из тяжелых орудий
Бьют свои... неужели свои?
Не спасает ни чох, ни молитва,
Тени ада польщут в Кремле.
Это снова небесная битва
Отразилась на русской земле.

Октябрь 1993 г.

ЕВГЕНИЙ КУРДАКОВ

* * *

Вечный октябрь над усталой страной...
Боже, на что свои силы растратили, —
Маялись ямбом и каялись дактилем
Перед глухой неминуемой бедой.

Вот и опять чресполосая мгла
Рваным трёхцветьем взметнулась воочию,
Мерзкая, как пулемётная очередь,
Мёртво стучащая из-за угла.

...Так обживай же подполье своё
В русской, привычной своей бессловесности,
Переживая, пока на поверхности
Не отжирует родное жульё.

Окна пылают и стены горят...
Боже, зачем это, что они — спятили?..
Дактилем, дактилем, дактилем, дактилем
Бьют пулемёты — и музы молчат.

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

* * *

Нас опять предадут
и поставят под русские пули.
Вас опять предадут
и заставят стрелять по своим.
Мы встречались, как братья, в Гаване,
Ханое, Кабуле,
а недавно в Москве
расстреляли друг друга сквозь дым.

Виноваты ли мы, виноваты ли вы —
я не знаю.
Выполняли приказы,
себя не жалели в бою.
Мы по жизни идем,
как идут по переднему краю,
мы стоим за Россию и, значит,
стоим на краю.
Рвем погоны с плеча,
поднимаем к виску пистолеты...
Но куда нам уйти
от армейской несчастной судьбы?
Остаемся в строю,
чтобы Русь отыскала ответы,
примеряя знамена на ваши
и наши гробы.

МАРИЯ АВВАКУМОВА

РАСПРАВА

Это всё не проходит бесследно,
не смывается первой волной:
это *мы* пролетали над бездной,
это в *нас* громыгнуло войной.

Это люди ползли по асфальту,
а не злая барачная вошь.
Это в дьявольском мрачном азарте
нас приканчивала марадёжь.

Не забуду! — клялась, проклиная.
Не забуду!.. Но вот, как в провал,
я оглядываюсь, пролетая
там, где нас президент убивал.

Оглянулась назад сквозь усилие,
будто в чью-то враждебную Русь:
там — в крови — перебитые крылья,
там — дыхание черных марусь.

Но ничто не проходит бесследно.
И никто не прикончит основ.
Против Господа всё беспобедно:
президенты... и ночи покров...

НАДЕЖДА БОНДАРЕНКО

МЫ ЗДЕСЬ!

Мы живы,
мы здесь,
мы пока еще здесь...
Мы живы — и с нами расстрелянный Брест,
И белое пламя, и траурный дым,
И Красное знамя под небом седым.
Смотрите, как низко кружит воронье!..
Кончаются диски — и время мое...
Но, пот утирая, глотая свинец,
Я верю, я знаю — еще не конец!
Граненые плечи, горячая кровь...
Мы живы — мы вечно рождаемся вновь!
Труба нас разбудит в решительный час,
И все еще будет, как было не раз:
Присяга на верность — немеркнущий свет,
Последняя крепость — Верховный Совет...
Кончаются диски, немеет рука...
А счастье так близко, а жизнь коротка!
В огне и опале, не сдавшись врагам,
Мы жертвою пали — завидуйте нам!
Мы живы, мы вечны. И пламя горит...
Граненые плечи одеты в гранит.
Но веет над миром и городом весть:
Мы живы.
Мы здесь.
Мы по-прежнему здесь!

ЮРИЙ ПАРКАЕВ

* * *

Просыпаюсь,
а Родины нет.
Ни простора, ни отчего дома,
И сочится в дырявый рассвет
Запах пороха, крови, погрома.

Может быть, это просто брехня? —
Цены, жертвы, дебаты, границы,
Карабах, Приднестровье, Чечня
И расстрел в самом центре столицы?

Свищут пули, и воев картечь,
И дымится смертельная рана,
И картавит нерусская речь
С раскаленного телеэкрана...

Что? Война? Оккупация? Бред?
Страшный сон безнадежно больного?
...Просыпаюсь.
А Родины — нет.
Нет Державы.
А значит, и крова.

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ

ПЕСНЯ

Защищали не “бугров”,
А российский отчий кров,
За распятую Россию
Проливали свою кровь.
Мы с Поповым да с Петровым,
Да с парнишкой чернобровым
После гари приднестровой
Здесь глотали дым костров.

Что мне Хас и что Руцкой,
Что бомжатник городской?
Я воюю за Россию —
Разве ж я один такой?
Мы с Петровым да с Поповым,
Да с парнишкой хипповым —
У какого-то слепого
Генерала под рукой.

В перекрестье рам
Вижу Божий храм,
Слышу тарарам колоколов...
Может, видит Бог...
Ох! Не обидит Бог...
Выведет орлов из-под стволов.

Ты — народ, и я — народ,
А у них — наоборот:
Мы с тобою — “коммуняки”,
Мы им портим кислород.
Я в асфальтовую лунку
Подзарылся, словно крот,
А Попов наверх улегся —
На какую из широт?

Говорит он: “Здесь мой Брест!”
На груди — нательный крест.
— Уходи! — ему сказали.
Отказался наотрез.
Попросил он автомат —
А в ответ отборный мат.
Ну, где же с голыми руками —
На свинцовый интерес...

А зеваки за окном
Посмотреть пришли “кино”:
Здесь дерутся, Там смеются:
Где, мол, батька ваш Махно?
В камуфляже офицеры,
Президентские “БэТзэРы”,
И “бейтар”* в каком-то сером,
Как мышиное сукно...

* Член сионистской национальной гвардии, называемой также “третьей силой Б. Ельцина”.

Им за нас дадут медаль...
Ух, какая невидаль:
Что же, тоже рисковали.
Не миндаля — в такую даль.
Нас зовут боевиками,
Но где же с голыми руками
Да с такими мужиками
Победить свинец и сталь?

А что по поводу Попова...
Он согнулся как подкова.
Разогнулся, чтобы снова —
И ещё одну поймал...
И напрасно в Подмосковье
Будут ждать его с любовью —
Он уже погиб геройски,
Хоть и был росточком мал:

Вот так финиш, ё-мое!
Пролетарское рваньё.
Где же наши генералы?
Где полковник? Где майор?
Ухожу... И со стыдом
Я гляжу на Белый Дом,
А там на жареное мясо
Налетает вороньё...

Помолясь на храм,
Выпил бы сто грамм,
Да не надо драмы — всё путем!
Я ещё вернусь
На святую Русь —
Разберёмся до конца потом!

ЕВГЕНИЙ НЕФЁДОВ

БАЛЛАДА О ЗНАМЕНОСЦЕ

Кем-то пропито, кем-то продано,
Кем-то предано, как обуза...
Ну подумаешь — Знамя Родины!
Что за невидаль — флаг Союза...

Но не каждую душу заняли
Бесы подлости

и растления.

Мы присягу давали Знамени,
Преклоняя пред ним колени!

Стяг червонный — прославлен предками,
Стяг победы — отцам награда,
А в боях девяносто третьего
Был он с нами на баррикадах.

Знаменосец глядел уверенно,
Руки крепкие не дрожали:
Знамя цело — не все потеряно
У народа и у Державы!

Полыхало огнем полотнище
Вызывающе и рисково.
Но ударили вдруг по площади!
И проклятый достал осколок...

О безумная экзекуция —
Танки, бьющие иступленно
По Дворцу и по Конституции,
По России и по Знаменам!

...Как лежал он, лицом белешенок,
Беззащитен и безоружен,
И ноги его бывшей крошево
Остывало в кровавой луже.

Обтекая труху кирпичную,
Эта кровушка пробивала
Красный след по земле коричневой!
И земля ее принимала...

Только ранили. Не угробили.
Но старались добить пальбою!
...И, склонясь пред ним,
Знамя Родины
Заслонило его собою.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ЗВЕЗДА БОГОРОДИЦЫ

Все они были одеты в камуфляжную форму, на рукаве каждого из них был знак — в виде полукреста-полусвастики. Их было очень много... Всех, оставшихся в живых, отвезли на один из дальних стадионов, и там — расстреляли...

“Независимая газета”, 30 октября 1993 г.

*А ведёт ваши полки — Богородица...
М. Цветаева*

Нет, не свастика на рукаве, а Звезда Богородицы,
Камуфляжная форма — не спасенье в огне...
Умирать за Россию не впервой нам приходится,
Тот, кто молод и честен — достоин вдвойне.

Юность — это возмездие за преступление
Всем, пропевшим, пропившим на кухнях свой век...
Только это возмездие, это отмщение
Получает на деле иной человек.

Нет, не свастика на рукаве, а Звезда Богородицы,
Камуфляжная форма — не спасенье в огне...
Умирать за Россию не впервой нам приходится,
Тот, кто молод и честен — обязан вдвойне.

А мы всё-таки взяли этот мэрский клоповник,
Растрясли этих пошлых валютных путан...

После чёрные танки напились нашей кровью,
И ушли мы навек в голубой океан.

Тот, кто выжил тогда, вы, конечно, запомните,
Как везли нас на дальний, глухой стадион...
И скомандовал некто, под омоновской формой
Пряча блеск золотой генеральских погон:

“Этих всех, у кого на руке Богородица,
Замочить, после в кучу, в бензин и — поджечь...”
Умирать за Россию не впервой нам приходится,
Тот, кто молод и честен — готов умереть.

Эх, Россия, опять ты валяешься связанной,
С чёрным кляпом во рту и с разбитым лицом...
Над тобою пирует шпана толстозадая
И мечтает весь мир перестроить в Содом.

А над нами сверкает Звезда Богородицы
И ведёт за собой паладинов своих...
Умирать за Россию не впервой им приходится,
Помяни их, Господь, мёртвых или живых!

Октябрь 1993 г.

“МЫ СТОИМ ЗА РОССИЮ,
И ЗНАЧИТ, СТОИМ НА КРАЮ...”

ЛЕВ КОТЮКОВ

4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Я не знаю, зачем и кому это нужно?..
А. Вертинский

Все безумнее сны.
Все темнее прозренья.
Остывают с закатом стволы батарей.
И не помнит Земля своего сотворенья,
И не знают погибшие смерти своей.
Но я знаю, зачем и кому это нужно!..
И от знания тайного жутко душе.
Меркнет солнце кровавое в каменных лужах,
И закат на последнем стоит этаже.
И со скоростью потустороннего света
Поглощает Россию последняя тьма.
Меркнет Солнце Земли.
Мне не надо ответа
В этом мире, до срока сошедшем с ума.
И роднятся навек души павших в потемках,
Чтоб с отчизной земною идти до конца.
И безумная женщина ищет ребенка,
От военного света не пряча лица.

“Я не знаю, зачем...”
Мне не надо ответа
На угрюмых углах
Сумасшедшей страны.
И последняя тьма —
Мать грядущего Света
Поглощает навек мертвый лик Сатаны.

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

КРАСНЫЕ АНГЕЛЫ

Мы — это ангелы,
с которых содрали кожу,
Брат мой индеец,
люблю твою псковскую рожу.
Ни людоеду, им Гитлеру
в диких Альпах
И не мерещилась
Русь поголовно в скальпах.

Дом хорошо поджечь,
чтоб в печи не гасло,
Из соловьев хорошо давить
соловьиное масло.
Мозг славянина
на вкус огнемета — сажа.
Брат мой индеец,
сыграй мне на русском банджо!

Брат мой индеец,
ты знаешь, как бьют подонки,
Как из ушей
вытряхивают перепонки.
Брат мой индеец,
ты знаешь, как бьет Европа,
Старая сука
в рейтузах из шевиота.

Брат мой индеец,
знаком ты со Старым Светом;
От Магеллана
расстрельное дело это,
От Христофора
расстрельное дело это,
Брат мой индеец,
спой мне о русском гетто.

Рыжая дама Америка
с плоским задом,
Ты перепутала оргию
с райским садом.
Лысая дама Европа,
уйми отродье!
“Бойтесь рыжих и лысых” —
живет в народе.

Рыжих и лысых старух
потрясает похоть,
Когда достает Россию
смертельный коготь.
Когда в белом саване Дом
расшибают насмерть,
Брат мой индеец,
скажи, что такое Память?

Мы — это ангелы,
с которых содрали кожу.

Брат мой индеец,
до гроба тебя не брошу.
Красные ангелы
перед лицом Содома,
Тверже, Россия,
на марше Армагеддона!

ЕКАТЕРИНА ПОЛЬГУЕВА

4 ОКТЯБРЯ

Это станет абзацем ещё не написанных книг.
Ты, родившийся позже, не слышавший смертного стога,
Всё прочтешь и изучишь, грядущих времен ученик,
И получишь отметку, как некогда мы за Гапона.

Что ты сможешь понять, не вдыхавший клубящийся дым
Этой страшной беды, когда бойню назвали “победой”?!
Нет, не надо в учебник, как лупят свои по своим,
Непомерно высокая плата для школьных ответов!

И абзаца не нужно! Из грубой нелепицы слов
Пусть запомнятся лишь имена убиенных мальчишек:
Дима Обух, и Костя Калинин, и Юра Песков...
Сколько их! Не забудь ни одно, чтоб Господь вас услышал.

Кто остался в живых, нацарапал углём “отомсти!”
У Горбатого моста, где памятник, на пьедестале.
Мы из этих, которые пеплом чуть было не стали,
И поэтому ненависть нашу нестрого суди...

Твой несложен урок, — не придется зубрить наизусть.
В книге только пять строчек (для памяти хватит и песни):
Не пойдешь в палачи — не окрасится Красная Пресня
Цветом крови. И выстоит матушка, выстоит Русь!

21 сентября 1994 г.

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

13 НОЯБРЯ 1993 ГОДА

*Стояли с непокрытой головой
под высотой небесного знамени*...*

Ребят погибших день сороковой
совпал с моим печальным днем рождения.
Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.

* В этот день над Красной Пресней многие люди были свидетелями видения в небесах образа Пресвятой Богородицы.

Их назывались Богу имена,
и хор церковный повторял молитву.
Я знал: на небесах идет война,
и вслед за ними — мы пойдём на битву...
Морозный снег искрился на траве,
пропитанной непокоренной кровью.
Молились мы в запуганной Москве
наперекор всевластному злословью.
Все это было, как в тревожном сне:
мерцали свечи в хвойных лапах ели,
на стадиона каменной стене
в пробоинах от пуль цветы адели...
Они стояли здесь тринадцать дней,
и вот — ушли, оплаканные нами,
расстрелянные армией своей
за то, что не желали жить рабами.
Нас ждет тоска немереных дорог,
нас в прах испепелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог.
И в этот день Он видел наши слезы...

Ноябрь 1993 г.

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Из цикла “Кровавый октябрь”

НА ИЗЛОМЕ

В городе — замерзают, в деревне — сидим — без света,
короче, не жизнь, а мука — в морду бы съездить ей!
А кое-кто из известных деньгу зашибает на этом,
за скотов — принимая — всех трудовых людей...

Словом одним — перестройка, затеянная супостатом,
и снова дорогой ложной упрямо идём и идём,
оглядываясь по команде на опыт каких-то штатов,
а о своём — российском — и разговор не ведём.

Господи, как же низко надо душой опуститься,
чтобы ходить по свету с протянутой горько рукой,
и перед кем — пред напрочь зажавшейся за границей,
которая спит — и видит — нас под своей пятой.

Минины и Пожарские, где же вы, отзовитесь,
не может быть, чтобы кто-то из вас не сказал: я здесь!
Покамест ещё мы живы, нам верный путь укажите,
чтоб слава не стала бранью, чтоб подлость не съела честь.

Были года, мы помним, когда нас в дугу сгибали
и — по этапам гнали — на Колыму и в Сибирь.
Но вечно, как ваньки-встаньки, мы снова с колен вставали —
и трясся душой от страха проклятый Богом мир.

Мы крови чужой не жаждем, но жаждем с великой силой —
увидеть ещё при жизни, как ныне она ни горька,
великое возрожденье бессмертной нашей России, —
и пусть через боль, через муку, но только на все века.

* * *

По убиенным в том кровавом
не старом, новом октябре,
рыдают на поляне травы,
рыдают сосны во дворе.

Моя душа — покрепче стали,
но и она — навзрыд, навзрыд...
Как будто и в меня стреляли,
как будто и мой сын убит.

Убийц я знаю поимённо,
но все слова мои — щелчок...
И, как от правды отвращённый,
о радости — вещает Бог.

Нет, к мщению я не призываю,
но до тех пор, пока они
в героях ходят — я страдаю,
словно виновен без вины.

* * *

Снова взорвано сердце России,
и от пролитой крови круги
докатались, как волны, в бессилье
до угрюмой якутской тайги.

Как была, так и есть гробовая
тишина на великой земле,
только выюга — от края до края —
завывает в полуночной мгле.

Мне и стыдно, и страшно до боли:
как возмездье, свершалась судьба —
не стремленья заветного к воле,
а покорности подлой раба!

Осень 1993 г.
г. Ленск, Якутия

ВЯЧЕСЛАВ ДАШКОВ

ЭХО

Ваши души еще не покинули этих ходов,
И неслышное эхо уходит в подземные залы.
То ли звуки невнятных шагов, то ли стезжки следов:
“— Это что, к “Полежаевской”? — Нет.
— К “Баррикадной”.
К “Смоленской”. К вокзалу...”
Ваши тени ложатся на кровью пропитанный пол
И на кафельный пол, где постелями были бушлаты,
Где на Сотом объекте полег Добровольческий полк
И за Солнце России в бою полегли “баркашата”.
Время трепа прошло. Это строгий, но праведный час.

“Кто же, если не я?” — стало ныне источником силы.
Мы не будем никак называться.
Мы помним о вас.
Мы молились за вас.
Помолитесь и вы за Россию.

13 ноября 1993 г.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЗДРАВИЦА

Да здравствуют танки, чей залп заглушил
и выстрел “Авроры” и ропот могил!
Да здравствует лидер, да здравствует власть,
пусть царствует вволю, пусть властвует всласть!
Нам надобно всех его верных друзей
куда-нибудь выбрать как можно скорей
во все кабинеты, которые есть,
повесить портреты, оказывать честь!
Пусть пьют и гуляют, пусть сладко едят,
пусть в Токио, в Рим, в Гваделупу летят.
Одно лишь печально, родные, увы,
что старятся ваши тела и умы,
что надо куда-то прилечь отдохнуть,
когда легендарный закончится путь.
Но вот мой совет: из Кремлевской стены
мы вышвырнуть всех самозванцев должны,
бронировать надо места без затей
для новых героев и новых вождей.
Нет места спокойней и лучше для вас,
тем паче когда охраняет спецназ,
чтоб всякая шваль не могла подойти
и слезы у ваших надгробий пролить,
иль спяну над прахом свершат самосуд —
взорвут или хуже того — обоссут.

* * *

Семь лет никчемных разговоров!
А нужно было-то всего
десяток бронетранспортеров,
три танка — больше ничего...
И демократия окрепла,
теперь начнутся чудеса...
А кто был против — горсткой пепла
и дымом взвился в небеса.

* * *

Зимний рассвет просочился сквозь занавес синью...
Может, с эпохой прощаюсь, а может быть, с жизнью.
Я насмотрелся и крови, и грязи. Довольно.
Все отболело. И даже почти что не больно.
Все отболело... А что напоследок осталось,

выпало, словно осадок, в такую усталость,
что неохота вставать,
говорить,
просыпаться,
что неохота на имя свое отзываться...

Осень 1993 г.

ВИКТОР ЛАПШИН

ПАМЯТИ МАЛЬТИЙСКОГО РЫЦАРЯ

Помните, сыны, и знайте, внуки:
По нему святые не скорбят.
У него кровавы только руки? —
Весь в крови он — с головы до пят!

Оттого-то плакалось и вылось
Нам в те несусветные года.
Сердце у него остановилось? —
Да оно не билось никогда!

Кладбище. Круг памятного года.
Триколор могилу раздавил.
...И кого же пред лицом народа,
Чтó сей патриарх благословил?..

23 апреля 2008 г.

Адмирал АНАТОЛИЙ ТИХОНОВИЧ ШТЫРОВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ “КРАСНЫХ”

Когда у подземки с утра мельтешат
Кривые и стройные ноги,
Наверно, спросонья ещё не грешат
Словами о праведном боге.

Текут секретарши с колючками роз,
Спешат бородатые мыши.
Метро поглощает, как рыбный насос,
Потоки спешащих людишек.

Текут москвиты — и россы, и еврей
В соблазнах маммоны и злата,
И вовсе не видят у самых дверей
Культию-одноножку солдата.

Его отличить не составит труда:
Согбен, колченог, с костылями,
И путанкой серой торчит борода,
И патлы под шляпой с полями.

Нет, он не канючит у граждан деньжат:
Старик-то, видать, старомоден.
В руках его знобко газеты дрожат,
Чей голос властями неугоден, —

“Советской России” ли хриплый набат
И “Завтра” и мрачной “Дуэли”...
Он шныркает взглядом вдогон и назад.
На бег тараканов по щели.

Нет, он не предложит ни “жёлтой” брехни,
Ни “буржиков” рыночной прессы,
Ни “букеров” секс-интеллект болтовни,
Ни жвачку матёрых балбесов.

Я днесь, подавая тысчонку ему,
Спросил из благих побуждений:
“Набор-то газеток... один к одному!
А сам ты — каких убеждений?”

А он, оглянувшись, чуток погодил:
“Скажу, покупатель знакомый.
Я — самый последний тогда уходил
Под пули из Белого Дома.

Куда мне на этих моих костылях
К “бейтарам” спешить на расправу?
Там честных в асфальт принимала земля,
Когда добивали Державу.

Легло там не меньше полутора тыщ
Для выживших вечным укором,
А я под оскал демократов-козлиц
За “Альфой” ушёл коридором...”

“Да сел бы на ящик какой-никакой”, —
Сочувствую я ветерану.
А он отрицательно машет рукой:
“Присяду, так, значит, не встану”.

.....
Стоит в переходе метро ветеран,
Один-единешный средь многих,
Как самый последний из всех могикан,
Упрямый боец колченогий.

Ну что пожелать тебе, старый солдат?
Москву не проймёшь ты слезами.
Так стой же, как гвоздь, утыкаясь во взгляд
Вот этих, скользящих глазами.

Конечно, что гвозди навряд ли смутят
Их личики, лица и рожи.
Они в “мерседесы” усесться хотят...
Но всё же,

но всё же,
но всё же.

1997 г.